

МАРК АННЕЙ ЛУКАН. *Фарсалия, или поэма о гражданской войне.* Перевод Л. Е. Остроумова. Редакция, статья и комментарии Ф. А. Петровского, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1951, 349 стр., тираж 5000 экз., цена 13 р. 95 к.

Поэма «О гражданской войне» или, как называет ее сам автор, «Фарсалия», принадлежит к числу таких памятников мировой литературы, которые по своей направленности вызывают особый интерес советского читателя. В этой исторической поэме молодой автор, современник императора Нерона, Лукан дал поэтическую историю ожесточенной борьбы между Юлием Цезарем и Помпеем, приведшей в конечном итоге к крушению Римской республики и установлению цезаризма. Лукан в своей поэме клеймит Юлия Цезаря, а в его образе кровавого императора Нерона как жестокого тирана, загубившего республиканскую свободу. Мало того, Лукан, как известно, принимал активное участие в заговоре Писона, направленном на свержение деспотии Нерона и вместе с философом Сенекой и Петронием погиб, вскрыв себе вены. При всем этом надо помнить, что Лукан — идеолог аристократии; его свобода — свобода рабовладельца, ярого сторонника власти аристократического сената. Произведение Лукана представляет собой важный источник не только для истории римской литературы, но и для характеристики политических настроений времени Нерона. Поэтому можно только приветствовать, что после старого, притом сделанного с французского языка прозаического перевода Филатова (1819), наконец появился в свет полный стихотворный перевод этой поэмы.

В книге сначала помещен перевод «Фарсалии»; после этого следуют «Приложения», в которые входит статья «От редакции», большая статья Ф. А. Петровского «Марк Анней Лукан и его поэма о гражданской войне»; в конце статьи излагается содержание «Фарсалии»; далее следуют примечания.

В научно-популярных изданиях Академии Наук почему-то всегда принята такая структура книг. Было бы более целесообразно прежде всего дать читателю понятие об авторе и его эпохе, познакомить с содержанием произведения, а уже потом помещать сам перевод и примечания. Для Лукана такой порядок был бы особенно полезен, так как его поэма местами читается с большим трудом благодаря массе всевозможных собственных имен и вычурности языка. Но все же наш разбор мы проведем в порядке, принятом в книге. Прежде всего о переводе.

Перевести поэму Лукана размером подлинника — дело нелегкое. Язык Лукана, как и язык философа Сенеки, отличается риторической вычурностью, нарочитой краткостью, которая часто выливается в сжатые, фигурально и часто антистетически выражающие мысль сентенции, помещаемые для большего эффекта в конце описаний и речей. Л. Е. Остроумов в общем справился со своей задачей; его перевод можно признать удовлетворительным, а местами даже хорошим. Переводчик сумел перевести все эти детальные натуралистические описания ужасов гражданской войны, наглядные описания разного рода ранений, смертей, голода, жажды, ядовитых змей и т. д., наконец, все те места, где Лукан прямо забрасывает читателя мифологическими и географическими названиями.

Перевод довольно точно передает изысканные сентенции в поэме Лукана. Приведем несколько примеров.

- I, 128: Мил победитель богам, побежденный любезен Катону;
 I, 203: Тот будет впредь виноват, чрез кого я врагом твоим стану!
 I, 290 сл.: — разделить ты мира не можешь, — Можешь владеть им один! —;
 IV, 579: Знает ли кто, что мечи нам даны, чтобы не было рабства?

Переходя к недостаткам перевода, прежде всего естественно спросить, по какому изданию он сделан? После стереотипного издания Hosiус'a (Lipsiae, 1905) вышло несколько новых изданий «Фарсалии», например, Duff'a в серии Loeb'a (London, 1943) и критическое издание Housman'a (Oxonii, 1950). Housman вставляет некоторые

стихи, например, II, 703A, IX, 674A; кое-что переставляет, например, IX, 777, 778 после 779; выбрасывает I, 282; IV, 171 и др. Стихи VII, 820—822 Hosius считает неподлинными, Housman и Duff оставляют. Перевод стиха I, 260 сделан по чтению *iacet sine murmure pontus*, т. е. без шума лежит открытое море; Housman отстаивает чтение *tacet sine murmure pontus* (молчит открытое море); в стихе IX, 37 Housman вместо *Creta fugit* (И убегает на Крит) читает *Graia fugit* (бежит с греческих берегов) и т. д. Необходимо было обосновать принятый для перевода текст.

Перевод не свободен от неточностей, редких и необычных слов, неясностей. Отметим ряд мест, требующих улучшения и уточнения.

- I, 1: Бой в Эмафийских полях — грознейший, чем битвы сограждан.
 I, 10: В дни, как Авзонский трофей с надменных столбов Вавилона Рвать надлежало (в подлиннике *spolianda tropaeis* — отнимать силой).
 I, 32: Сотни зияющих ран (в подлиннике: *alta sedent... vulnera* — глубоко сидят раны).
 I, 87: О, расточители смут... (в подлиннике: *male concordēs*).
 I, 136 сл.: Дуб величавый таков посреди полей плодоносных
 Весь под дарами вождей, под добычею древней народа.
 I, 205: не переведено *squalentibus arvis* — в невозделанных полях.
 I, 402: Вот и давнишний постой уходит от русских рутенов.
 I, 553 сл.: ...Земля на оси опустилась,
 И погрузилась во тьму, покрытая тенью земною. Альпы (здесь в переводе какое-то недоразумение; в подлиннике только: «Альпы сбросили свой старый снег»; 553-го стиха нет).
 II, 63 сл.: К отчизне любовь изливала
 Пени предсмертные так; (может быть, песни — *querellas*; ср. VIII, 346: и себя опенив по жалобным пениям Помпея; в VIII, 512: лить свои пени (?); в IX, 880: Терпенье суровое в пениях так облегчает себя).
 II, 234: Только не мог омрачить чело прямодушного Брута Ужас (в подлиннике *magnum animi*, что, как известно, означает «великодушный», «благородный»).
 II, 313: Тяжкую пенью сотрет... (здесь пеня, очевидно, значит наказание?).
 II, 354: Здесь вязыницы цветов не висят (ср. еще VI, 656).
 IV, 50: Мороз пепенел.
 V, 173: ...в своем неизбывном смятении
 Гневного Феба неся.
 V, 276: ...Мы век свой размыкали в битвах
 (у Лукана *consumpsimus* — истратили, растратили).
 V, 439 сл.: ...в просторе, запретном ветрину. Всадник несется теперь (В подлиннике: *per pervia velis Aequora frangit eques* — «всадник преодолевает непроходимую для парусов гладь моря»).
 V, 603: Но победила их дурь Аквилона Скифского (У Лукана *rabies aquilonis* — вихрь аквилона).
 V, 757: Да сохранится моя половина дражайшая в мире.
 VII, 721: Сильному будьте верны (У Лукана *victori* — победителю).
 IX, 142: ...запаленный украдкою пламень.
 IX, 334: И победительный вал толкает их Австру навстречу.
 X, 185: Да и наслышка о вас...
 X, 492: Повелевает бросать на суда, что сплылись для сраженья.

Следует еще отметить необычное ударение в словах I, 239: Вспугнут; V, 663: ствятые; VII, 12: Скамьи и др.

Мы, конечно, отметили далеко не все неточности и шероховатости перевода. В общем он удовлетворителен. Жаль только, что недостатки перевода не были устранены при его редакции.

Переходим к «Приложениям». Статья Ф. А. Петровского разбита на 4 главы: 1. Биографические данные. 2. Политические взгляды Лукана. 3. «Фарсалия» как историческая поэма. 4. Лукан как поэт. Приступая к чтению этой статьи, советский читатель ожидает прежде всего углубленного анализа эпохи, в которой жил Лукан, чтобы понять закономерность появления такой оппозиционной поэмы, увидеть, как в ней отразилась ее эпоха, определить место Лукана во всем его литературном окружении. Однако кроме отдельных разрозненных замечаний, вроде того, что «в первые два века нашей эры три крупнейших римских писателя — Лукан, Тацит и Ювенал — были пламенными врагами деспотизма римских императоров» (стр. 250), или того, что «стоицизм питал оппозиционные настроения сенаторского сословия» (стр. 253), — кроме подобных не приведенных в систему замечаний, мы настоящей характеристики эпохи Лукана не находим. Правда, вводная историческая характеристика дается в предпосланной небольшой статье «От редакции», написанной акад. И. И. Толстым, но она настолько кратка, что в ней совершенно не раскрываются исторические причины и неизбежность перехода от республики к императорской власти; в ней говорится о социально-экономическом кризисе античного рабовладельческого общества, но для читателя остается неясным, в чем сущность этого кризиса; говорится о «республиканском принципе», уходящем в историю и сменявшемся «принципом монархическим», но какими социальными противоречиями была вызвана эта смена принципов — все это из-за краткости статьи не выясняется.

Основной вопрос: каковы политические взгляды Лукана? Определение этих взглядов связано с вопросом о соотношении двух неравных частей поэмы. Один из биографов Лукана говорит, что после издания первых трех книг Нерон возненавидел молодого поэта, позавидовав его поэтическому успеху: «Нерон, — говорится в биографии, — оспаривал за собой первенство не только среди людей, но и в искусствах, поэтому Лукану было запрещено заниматься поэзией и даже вести судебные дела». Но Лукан продолжал свою поэму и во второй части со всей силой обрушился на деспотию Цезаря, разумея в его лице Нерона. В своей статье «Поэма Лукана „О гражданской войне“»¹ я, в противоположность мнению Бернгарди и Буассье, пришел к тому выводу, что республиканцем, противником Нерона, Лукан показывает себя и в первой части поэмы. «Разница между двумя частями поэмы лишь в том, — писал я, — что в первых трех книгах Лукан свои идеи проявляет чрезвычайно сдержанно и дипломатически осторожно, а «в остальных семи книгах он прокламирует свои идеи с нарастающей смелостью и радикализмом». «Нерон запретил продолжать поэму, так как понял прикрытую лезвием республиканскую оппозицию своей власти». Ф. А. Петровский пытается возражать против такой концепции. Он ссылается на известную призывную речь молодого Нерона (Ann., XIII, 4, а, не VIII, 4, как указано на стр. 258), в которой «Нерон публично заявил о своем уважении к правам Сената». «С 54 до 62 г., — пишет Ф. А. Петровский, — добрые отношения между принцем и Сенатом сохранялись... Поэтому нет ничего удивительного, что идеализация молодого Нерона нашла свое отражение во вступлении к „Фарсалии“» (стр. 259). По мнению Ф. А. Петровского, и Лукан был сначала очарован Нероном. Чудовищная лесть Нерону в первой книге была, по его мнению, вполне искренняя; Лукан надеялся, что Нерон «не будет „владыкой“ или „тираном“, а пойдет по стопам Августа» (стр. 260). Но прежде всего, откуда ясно, что Лукан хотел видеть в Нероне Августа? Чем можно доказать, что идеалом Лукана была, как подчеркивает автор, «аристократическая („сенатская“) республика, возглавляемая зависимым от сената „вождем“?» (стр. 263 сл.). Ведь идеалом Лукана вовсе не был Помпей, — это был Катон, у которого, по мнению Лукана, была только одна цель — свобода (IX, 30: partes libertatis erant); на ее защиту, а вовсе не ради власти он и предпринял трудный поход через Ливию. Если Лукан

¹ УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXXII, М., 1946.

принял участие в заговоре Писона, то это не значит, что он не был республиканцем¹. Далее, помимо анализа первой части поэмы, свидетельствующего, на наш взгляд, о республиканизме раннего Лукана, искренность Лукана по отношению к Нерону в первой книге можно подвергнуть сомнению и на основании других соображений. Пусть Лукан сначала был в восторге от Нерона, пусть выступал в театре Помпея «похвалами Нерону, по развее Нерон изменился сразу после 62 года? Из Тацита (Ann., XIII) видно, что симптомы будущего Нерона стали проявляться за несколько лет до 62 г.: отравление Британника, разврат, убийство одного сенатора, умаление власти трибунов и эдилов, осуждение нескольких лиц из знати и т. д. Почему не предположить, что первые три книги «Фарсалии» были написаны именно в этот период, когда доверие к Нерону могло поколебаться у сенатской партии? Ведь сам автор статьи говорит: «У нас нет никаких сведений относительно того, в какое время написаны отдельные части „Фарсалии“» (стр. 264). За неискренность лести у Лукана говорят и еще некоторые данные. Сам Лукан признается, что уже «столько времени приходится лгать властям» (V, 385 сл.: iam tempore tanto mentimur dominis); и схолиаст Лукана видел в лести Нерону иронию (стр. 260). За это говорит и самая чудовищность лести (I, 46—47: Когда Нерон божеством вознесется на небо, все боги уступят ему дорогу, и он сам решит, где и каким божеством он захочет стать). Это явная насмешка! Кроме того, это восхваление Нерона, — говорит сам Ф. А. Петровский, — совершенно не связано ни с общей тематикой, ни с отдельными эпизодами поэмы (стр. 264). Следовательно, это какая-то вставка. Далее, сам же автор статьи говорит, что Нерон заподозрил в Лукане скрытого идейного врага и соперника на литературном поприще (стр. 265), и на той же странице, — что современники могли усмотреть намеки на Нерона (а следовательно, оппозицию ему) и в первых книгах. Это противоречит всей аргументации автора.

Второй вопрос, который ставится в статье, — это вопрос об отношении Петрония к Лукану. Обычное мнение сводится к тому, что автор «Сатирикона» в гл. 118 высмеивает построение поэмы Лукана, исключение им из хода действия богов и, как образец настоящей поэмы, дает свой отрывок из поэмы «О гражданской войне», где в действие вмешиваются боги и всякие мифологические чудовища. В статье обращается внимание на то, что это осмеяние Лукана вкладывается в уста проходимца Эвмолпа и что в приведенном отрывке поэмы «О гражданской войне» путем показа разных мифологических чудовищ, в сущности, высмеивается участие богов в историческом действии, отсюда делается вывод (разрядкой): «вся эта поэма протест не против Лукана, а против бездарных его современников, мнивших себя хранителями заветов Гомера и Вергилия» (стр. 283). Но, если даже и согласиться с тем, что отрывок поэмы «О гражданской войне» высмеивает классическую поэму, то отсюда еще не следует, что сам Петроний (если он — автор «Сатирикона») солидаризировался с Луканом относительно устранения богов из хода действия. В лице Эвмолпа он высмеивает лишь бездарных поэтов, которые, подражая классической поэме, искусственно нагромождали в своих поэмах мифологические образы: сам же Петроний мог оставаться сторонником стиля Вергилия.

Наиболее слабой частью статьи является оценка Лукана как поэта. Здесь не достаточно выяснено, как Лукан художественно воплощает свои идеи в образах, канонах композиции поэмы, как путем показа ужасов гражданской войны и разных новеших знамений с гомеровским перечислением племен и народов — участников битвы, он искусно подводит читателя к кульминационному пункту — к роковой Фарсальской битве. Лукан в статье совершенно изолирован от своего литературного окружения: не показана связь его стиля со стилем его современников и прежде всего со стилем философа Сенеки, особенно в его трагедиях (стр. 290). Говорится о пристрастии Лукана ко всяким «ужасам», но не раскрывается связь этих «ужасов», этих натуралистических описаний, а также всей мистики, со вкусами римской аристократии той эпохи, не указаны причины появления таких вкусов. И вот здесь-то особенно было необходимо связать Лукана с Сенекой, у которого в трагедиях мы находим такую же мистику и такие же натуралистические описания. В статье говорится о речах в поэме, но риторика

¹ См., например, Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1949, стр. 450,

Лукана раскрыта недостаточно. Ведь многие натуралистические описания (например, описание бури, голода) — наследие риторической школы. Больше следовало остановиться на острых сентенциях Лукана не только философского характера. И самое главное — статья почти не касается художественной формы поэмы. Для читателя, не знающего латинского языка, следовало раскрыть главные особенности языка и стиля Лукана и показать его изобразительные художественные средства — метафоры, сравнения и т. д. В заключение, говоря об огромном успехе поэмы Лукана и в древности и в новое время, Ф. А. Петровский не указывает на интерес к этой поэме у декабристов, — недаром в 1819 г. появился перевод Филатова. Кстати, для советского читателя было бы небезинтересно знать, как царская цензура смазывала в этом переводе острую оппозицию тирании. Далее, не указывается на отношение Данте к Лукану (помещение Лукана вместе с Гомером в особом кругу ада), не упомянут лестный отзыв Вольтера о Лукане; не мешало бы напомнить и о том, что Гёте в «Фаусте» использовал из поэмы Лукана образ колдуньи Эрихто и т. д. В общем статья о Лукане противоречива: она не дает полного и ясного представления о поэме Лукана на фоне его исторической эпохи и в его литературном окружении.

Переходим к примечаниям. В них главным образом, конечно, пришлось объяснять многочисленные мифологические и географические имена, встречающиеся в поэме; иногда даются и необходимые исторические справки. Исчерпывающей полноты здесь, к сожалению, нет; например, не объяснены: «Олимпийский скакун» (I, 293); в подлиннике «Элейский скакун»; «от второго светила бушуют» (I, 414); «виная» (III, 487); «Пелусий» (IX, 78); «Исида», «Осирис», «Апис» (IX, 158—160). Из исторических фактов читателю остается непонятным, например, стих: «В час, как Помпея отряд подсудимого запер Милона» (I, 323); в примечании разъясняется столкновение Клодия и Милона, но не говорится о том, что во время суда над Милоном Помпей для устрашения разместил всюду на форуме вооруженные отряды, и это заставило Циперона в своей речи «В защиту Милона» обратить внимание на такую необычную обстановку. Не мешало бы пояснить в речи Куриона, что означало для Цезаря «продлить власть» (I, 274) и т. д.

Даже в научно-популярном издании нужно было бы для знающих латинский язык иногда давать в примечаниях текст подлинника, чтобы читатель знал о некоторых неизбежных отступлениях от латинского оригинала; например, почему бы не указать, что в русском переводе (I, 98) не передана анноминация *concordia discors* и др.? Наконец, мы уже говорили о том, что неизвестно, по какому изданию исполнен перевод; поэтому и среди примечаний отсутствуют комментарии критического характера, отмечающие главные разночтения в рукописях и в последних изданиях. Все это было прекрасно сделано в академическом издании Лукреция! Вообще было бы целесообразно в особом разделе вкратце указать рукописи поэмы Лукана, главные ее издания и основные работы, касающиеся поэмы.

В итоге все же мы, наконец, получили полный, довольно удовлетворительный стихотворный перевод «Фарсалии», который может познакомить советского читателя с этой оригинальной исторической поэмой.

Н. Ф. Дератани